

Гуань Хэна не было в той пустой комнате с пазлом.

Нин Цюянь прошёл по длинному коридору и остановился у двери, за которой они всегда встречались.

Он уже занёс руку, чтобы постучать, но не успел — изнутри донёсся голос Гуань Хэна:

— Входи.

Словно сквозь дверь и толстый, заглушающий шаги ковёр Гуань Хэн и так знал, кто стоит снаружи.

Нин Цюянь повернул ручку и толкнул створки.

В центре комнаты пылал огонь камина. Было очень тепло и очень тихо — ни единого звука.

Пламя освещало двоих: один сидел, другой стоял. Два одинаково бледных, одинаково красивых лица, оживлённых отблесками огня.

Гуань Хэн — сидел.

Гость — стоял, чуть ссутулив плечи, руки за спиной. Поза была подчёркнуто почтительной.

Приход Нин Цюяня, возможно, прервал их разговор. Закрывая за собой дверь, он почувствовал на себе оба взгляда.

Пока он шёл через комнату, гость не сводил с него глаз, провожая каждое движение.

У гостя тоже были очень тёмные глаза, но, в отличие от того, что Нин Цюянь видел внизу, сейчас в них мерцал тот едва уловимый красноватый оттенок — такой же, как он замечал у Гуань Хэна.

Может быть, блики пламени. Нин Цюянь не мог знать наверняка.

— Это Лу Цяньцюэ, — представил Гуань Хэн. — Тот самый человек, который поддерживал с тобой связь.

Контактное лицо? Тот аккаунт, начинающийся на «Lu»?

Нин Цюянь удивлённо посмотрел на гостя:

— Всё это время связь со мной поддерживали вы?

С первого контакта до заключения договора, потом — поставки продуктов, уведомления.

Теперь понятно, почему внизу тот сказал «наконец-то встретились».

Гость — Лу Цяньцюэ — мягко кивнул.

Кивая, он по-прежнему не отводил глаз от лица Нин Цюяня. Тот его, похоже, и впрямь интересовал.

— А я думал, вы тоже живёте на острове, — сказал Нин Цюянь.

— Вообще-то у меня была такая мысль, — ответил Лу Цяньцюэ. — Но господин не любит жить рядом с... со мной. Так что меня, бедного, выставили с острова.

Гуань Хэн никак это не прокомментировал, лишь бросил на Лу Цяньцюэ один взгляд.

Тот мгновенно отбросил шутливый тон и повернулся к Нин Цюяню:

— Я слышал, ты играешь на гитаре.

Нин Цюянь не понял, к чему вопрос, но кивнул:

— Да.

— У моего малыша сегодня день рождения, а я не успеваю вернуться, — сказал Лу Цяньцюэ. — Он обожает один мультфильм... — Он назвал известное всем название. — Не мог бы ты сыграть заглавную тему и отправить ему в подарок?

Разумеется, это не составляло труда.

Но гитары при себе у Нин Цюяня не было.

Словно прочитав его мысли, Лу Цяньцюэ улыбнулся:

— Пойдём, выберем тебе хороший инструмент.

Выберем?

Нин Цюянь окончательно растерялся.

— Господин, вы с нами? — обратился Лу Цяньцюэ к Гуань Хэну.

Пламя камина мерцало.

Гуань Хэн, подпирая висок пальцами, лениво откинулся — видно было, что ему неинтересно:

— Идите без меня.

Лу Цяньцюэ склонил голову — элегантно и почтительно:

— Тогда я непременно выберу самую лучшую. — Потом повернулся к Нин Цюяню: — Пойдём, щеночек, за мной.

Нин Цюяня окатило этим прозвищем во второй раз.

На этот раз он не посмел проверять, смеётся ли Гуань Хэн. Только поправил:

— Меня зовут Нин Цюянь.

— Я считаю, что это мило, — сказал Лу Цяньцюэ, уже направляясь к выходу.

— ...Я не считаю, что это мило. Не называйте меня так, — отрезал Нин Цюянь.

Он рассердился и даже забыл про вежливую форму.

Они уже вышли из комнаты; Лу Цяньцюэ шагал стремительно, совершенно не обращая внимания на его тон. Его, похоже, интересовало только одно — поскорее добраться до инструментов. Он даже разворачивался на ходу, чтобы говорить с Нин Цюянем, — пятясь спиной вперёд.

— Кстати, это не я тебя так назвал. Если хочешь протестовать — иди к доктору Лину.

— К доктору Лину? — не понял Нин Цюянь.

Лу Цяньцюэ оказался очень занятым человеком — из тех, кто моментально становится «своим».

— У тебя имя сложное и язык сломаешь. С лёгкой руки доктора Лина мы теперь между собой все зовём тебя «щеночек».

У Нин Цюяня снова запылали щёки.

Неужели и Гуань Хэн тоже?.. Та тень улыбки в его глазах — неужели из-за этого?

— Когда мы составляли договор, — продолжал Лу Цяньцюэ, — я ещё подумал: какой простодушный, чудесный — мало кто осмелится подписать такое. А теперь увидел тебя лично — и правда, невероятно мило!

Нин Цюянь: «...»

Это определённо не звучало как комплимент.

Лу Цяньцюэ снова подмигнул:

— Не злись, обещаю — мы все так говорим потому, что ты нам нравишься! Иначе зачем бы господин лично поехал за тобой, когда ты потерялся? Будто задержишься он на минуту — и тебя бы разорвали дикие звери. Вот ведь преувеличение.

Нин Цюяню нечего было возразить.

То, что Гуань Хэн приехал за ним, конечно, невероятно тронуло его. Но в глубине души — из-за их тайного уговора — это казалось ему чуточку... естественным.

Это был их общий секрет, и делиться им с Лу Цяньцюэ он, разумеется, не собирался.

По-настоящему Нин Цюянь не злился, но ему не нравилось сравнение с щенком.

Во многих контекстах «щенок» — не комплимент.

Однако Лу Цяньцюэ был гостем, и ссориться с ним не хотелось. Нин Цюянь мысленно пообещал себе, что при следующей встрече с доктором Лином выразит решительный протест и пресечёт распространение этого нелепого прозвища в самом зародыше.

Лу Цяньцюэ знал здесь каждый угол — куда лучше Нин Цюяня.

Он шёл так быстро, что Нин Цюянь вынужден был прибавить шаг. Они протопали по лестнице вниз и оказались в части здания, куда Нин Цюянь ещё ни разу не заходил.

Это был огромный зал с музыкальными инструментами — или, скорее, выставочная комната. Переступив порог, Нин Цюянь остолбенел.

Гитары, саксофоны, арфы, скрипки, виолончели — в глазах рябило от западных инструментов. В центре стоял рояль, а на дальней стене были выставлены гуцинь, колокольный ряд, флейты и другие народные инструменты, некоторые из которых Нин Цюянь даже не мог назвать.

Он непроизвольно двинулся вглубь комнаты, потрясённо оглядывая эти сверкающие, безупречно ухоженные инструменты, на которых не было ни пылинки.

Теперь он наконец понял, что имел в виду дядя Кан, когда сказал, что ему вообще ничего не нужно брать с собой на остров.

— Как тебе вот эта? — Лу Цяньцюэ снял со стойки одну из гитар.

Нин Цюянь посмотрел.

Это была одна из трёх гитар — классическая, целиком чёрная, с потёртым от времени лаком на деке. Он не мог определить ни её происхождение, ни историю, — знал лишь, что она необыкновенная.

— Или предпочитаешь другой вид? — спросил Лу Цяньцюэ. — Я не против любого.

Нин Цюянь принял гитару из его рук:

— Нет, пусть будет эта.

Выбрав инструмент, Нин Цюянь спросил:

— Почему у господина Гуаня столько инструментов?

— Некоторые — из тех, на которых он когда-то давно играл, некоторые — подарки. У него никогда в этом не было недостатка. Но я заметил, он уже много лет ни к чему не притрагивается. Видишь — предпочитает, чтобы играли мы, а сам не берёт в руки.

Много лет?

— Он больше не играет из-за болезни? — спросил Нин Цюянь.

Он стоял посреди этого множества инструментов.

Взгляд — такой же чистый, как его возраст, — выражал неподдельную тревогу.

— Из-за болезни? — Лу Цяньцюэ слегка согнал улыбку, помедлил и произнёс: — Ты ведь ещё не знаешь. Да?

Нин Цюянь растерялся.

Ему очень хотелось узнать о Гуань Хэне больше — чем он болен, угрожает ли это его жизни.

Или, если быть честным с самим собой, подсознательно он хотел узнать нечто иное — то, что позволило бы опровергнуть его собственные, растущие день ото дня невероятные догадки.

Но Лу Цяньцюэ не стал продолжать.

Нин Цюянь снова остался без ответа.

Лу Цяньцюэ забрал выбранную гитару, пробормотал себе под нос: «Впервые сталкиваюсь с таким», — и повернулся к Нин Цюяню:

— Раз выбрали, пойдём наверх. Господин ждёт.

Когда они вернулись, Гуань Хэн действительно ждал — но уже не сидел, а стоял возле видеокамеры на штативе, которую успел установить. Объектив был направлен на стул, только что принесённый слугой.

— Ещё и снимать на видео? — удивился Нин Цюянь.

Он думал, что запишут звук на телефон — здесь же, на третьем этаже, не было глушилок, и Лу Цяньцюэ мог бы успеть отправить поздравление своему ребёнку.

Но он не ожидал такой торжественности.

— Да, — подтвердил Гуань Хэн, закончив настройку. — Иди сюда.

Нин Цюянь подошёл и встал рядом с ним.

Гуань Хэн посмотрел на него сверху, увидел, что тот не понял, и терпеливо пояснил:

— Садись на стул. Смотри в камеру.

— Я? — опешил Нин Цюянь.

— Да. Лу Цяньцюэ тоже будет в кадре.

Нин Цюяню ничего не оставалось, кроме как неловко опуститься на стул и с тревогой уставиться в объектив.

Он не любил фотографироваться и никогда не снимал себя на видео. А тем более — когда за камерой стоял Гуань Хэн.

Глядя в объектив, он неизбежно видел и того, кто настраивал аппаратуру.

Резкие брови. Прямой нос. Невозмутимое, отстранённое выражение.

Гуань Хэн был совершенен. Мягко. Силён.

Если не считать пресловутой болезни крови — в нём невозможно было найти ни единого изъяна.

Приезд Лу Цяньцюэ будто связал Гуань Хэна с реальностью, и Нин Цюянь наконец ощутил: Гуань Хэн не порождение его фантазии.

Даже если его загадочность от этого не убавилась ни на йоту.

— Кхм, — негромко кашлянул Лу Цяньцюэ.

Нин Цюянь вздрогнул и пришёл в себя.

Гуань Хэн тоже медленно поднял глаза из-за камеры — и перевёл глубокий, тяжёлый взгляд с экрана прямо на лицо Нин Цюяня.

Воздух сгустился.

Осознав, что всё это время они смотрели друг на друга через объектив, Нин Цюянь ощутил вспышку досады. С пылающими ушами он оторвал взгляд, непонятно как успевший сплестись с чужим.

— Готов? — Лу Цяньцюэ протянул ему гитару. — Может, хочешь сначала попробовать?

Нин Цюянь взял гитару, подстроил струны и перебрал несколько аккордов, давая понять, что

готов.

Лу Цяньцюэ встал рядом.

Главная тема мультфильма не была совсем уж детской. Лу Цяньцюэ пел неплохо; они записали всё с первого дубля.

Когда песня закончилась, щёки Нин Цюяня горели ещё сильнее.

Потому что он услышал:

— Сыграй ещё одну.

Нин Цюянь смущённо обернулся. Гуань Хэн уже устроился на кушетке — в позе слушателя, — и произнёс:

— Ту, что ты играл в прошлый раз у озера.

У озера?

В прошлый приезд, не найдя интернета, Нин Цюянь действительно играл на берегу.

Откуда Гуань Хэн знал?

Он слышал?..

Или был где-то рядом?

Нин Цюянь сыграл мелодию, которую в тот раз повторял по несколько раз, но Гуань Хэн быстро его прервал:

— Не эту.

Нин Цюянь замер.

— Другую. Ту, которую ты тихонько напевал.

Это была его собственная вещь. У озера он сыграл её один раз — едва наметил мелодию и тут же остановился.

Кроме матери — при её жизни — он никогда и никому её не играл. Он написал эту музыку, когда мать была тяжело больна. У неё даже не было слов.

Нин Цюянь нервно прикусил губу, кончики пальцев мелко дрожали.

Этот вечер оказался совсем не таким, как он воображал. Он был абсолютно не готов.

Гуань Хэн выдвигал требование — так, словно пользовался неотъемлемым правом.

— Сыграй для меня.

<http://bllate.org/book/17881/1710873>